

С. Л. Франк: Русское мировоззрѣніе: S. Frank. Die russische Weltanschauung. Philosophische Vorträge veröffentlicht von der Kant-Gesellschaft. N° 29. Charlottenburg. 1926. стр. 41.

Брошюра С. Л. Франка, посвященная «русскому мировоззрѣнію», является расширеннымъ изданіемъ доклада на ту же тему, читаннаго авторомъ въ различныхъ мѣстныхъ организацияхъ нѣмецкаго «кантовскаго общества» (Kant-Gesellschaft). Этимъ объясняются особенности брошюры — ея, такъ сказать, безпредпосылочность, — автору, конечно, не приходилось предполагать у слушателей (и нѣмецкихъ читателей) какихъ-либо знаній о русской философіи и русскихъ философахъ. Но этимъ же объясняется и та ясность и четкость формулировокъ, которая дѣлаетъ работу особенно интересною и для русскаго читателя. О своеобразіи русской философіи писалось много, но въ большинствѣ случаевъ очень мало-удачно и прежде всего — въ очень общихъ и расплывчатыхъ формулировкахъ.

Намъ представляется что достигнутая авторомъ ясность имѣть источникъ еще и въ другомъ. Не случайно рѣчь въ книгѣ идетъ не о русской философіи, но о русскомъ мировоззрѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что русская философія еще только — *in statu nascendi* — только еще зарождается. Не длительность существованія философской литературы, но высота достигнутого философскаго развитія даетъ право говорить о существованіи у даннаго народа національной философіи. Русская философія, чѣмъ и очень стара (см. кромѣ нѣмецкой работы М. С. Безобразовой еще, напр., любопытную брошюру И. С. Свѣтлицкаго: Начала философіи въ русской литературѣ XI — XVI в. в. Львовъ. 1901), но, во всякомъ случаѣ, еще только *начинаетъ* приобретать интересъ и значеніе въ «мировомъ» масштабѣ. Между тѣмъ, можно смѣло утверждать, что оригинальность, своеобразие и значительность національной мысли выступаетъ впервые у значительнѣйшихъ, крупнѣйшихъ представителей философской мысли каждаго народа. И какъ бы оригинальны, интересны, глубоки ни были построенія, напр., Беме и даже Николая Кузанскаго — нельзя отрицать, что истинный ихъ смыслъ раскрывается намъ впервые въ высшемъ развитіи философіи «нѣмецкаго идеализма» — у Фихте, Шеллинга и Гегеля. Оригинальные и своеобразные элементы русскихъ рѣшеній философскихъ вопросовъ точно также раскроются съ полною ясностью лишь въ свѣтѣ — пока недостижутаго — «классическаго» періода русской мысли. Но постановка проблемъ, специфически «русскіе» вопросы и рѣшенія — они уже и теперь — передъ нами; хотя быть можетъ и они дозрѣютъ въ «классическій» періодъ до большей ясности, получать свою послѣднюю чеканку. Поэтому вполне уместно и возможно говорить о русскомъ «мировоззрѣніи», о томъ общемъ и непроясненномъ въ понятіяхъ отношеніи русскаго человѣка къ смыслу и послѣдней цѣли бытія, къ проблемѣ Бога и души, изъ котораго выростають и рѣшенія философскихъ проблемъ. И С. Л. Франкъ поступаетъ совершенно правильно, идя не путемъ анализа «философскихъ произведеній», безчисленныхъ русскихъ философскихъ книгъ и компиляцій, а исходя отъ богѣ крупныхъ русскихъ филосо-

фовъ и отъ «мыслителей», какъ бы несистематичны и вѣдше «нефилософски» они ни были.

Основными чертами «русскаго міровоззрѣнія» С. Л. Франкъ считаетъ его интуитивный характеръ, съ одной стороны, и его узрѣвание, не ограничиваясь однимъ теоретическимъ пониманіемъ міра, къ религіозно-этическому осмысленію бытія. Сущность русскаго «интуитивизма» авторъ вскрываетъ на противопоставленіи русскаго міровоззрѣнія французскому раціонализму и англійскому эмпиризму. Русское мышленіе въ **противоположность французскому антираціоналистично**, однако не **ирраціоналистично**. Для него залогъ истины не въ логической очевидности, но, въ послѣднемъ счетѣ, въ опытѣ. Однако, при этомъ понятіе опыта совершенно иное, чѣмъ въ англійскомъ эмпиризмѣ — опытъ это «освоеніе» объекта при помощи «внутренняго переживанія и сочувствующаго (nachfühlendes) постиженія» (8) Черезъ этотъ «живой» или «жизненный» опытъ русская мысль приходитъ къ «онтологизму» и естественно отвращается отъ всякаго «идеализма» и «субъективизма» (11 и далѣе; въ качествѣ примѣра С. Л. Франкъ приводитъ «интуитивизмъ» Лосскаго и свои собственные работы) Онтологичны и психологическія ученія русскихъ мыслителей — «метафизика души» — основная тема психологическихъ воззрѣній, какъ великаго русскаго поэта Тютчева, такъ и мыслителей — **Козлова, Лосскаго, Лопатина** и др. (18 — 21). «**Метафизика души**» вскрываетъ укорененность душевной жизни въ индивидуальномъ бытіи, приводитъ къ преодолѣнію индивидуализма, къ идеѣ коллективизма, и «соборности» славянофиловъ (21 — 6) Въ области практической философіи Франкъ считаетъ для русскаго міровоззрѣнія основнымъ сближеніе или идентификацію «правды» теоретической и «правды» практической, правды-истины и правды-справедливости. **Такая правда всеобъемлюща и сверхиндивидуальна**. Ея исканіе есть исканіе не только индивидуальной, но соборной и космической цѣнности (27 — 28). При этомъ именно эти высшія цѣнности представляются русскому духу **единственными** цѣностями — «русскому духу свойственно стремленіе къ цѣнности, всеобъемлющей и конкретной цѣлостности, къ послѣдней и высшей цѣнности и основѣ», ему «незнакома расчлененность и обособленность отдѣльныхъ областей и цѣнностей — какъ въ западной жизни». «Все относительно... — будь то мораль, наука, искусство, право, національность и г. д. — не имѣетъ для русскаго никакой цѣны и пріобрѣтаетъ цѣнность только черезъ отношеніе къ абсолютному» (28) На анализѣ взглядовъ славянофиловъ и замѣтниковъ и стоящихъ въ извѣстномъ смыслѣ между ними **К. Леонтьева** и **Вл. Соловьева** (съ его послѣдователями) Франкъ подтверждаетъ свою характеристику русскаго міровоззрѣнія.

Намъ большинство формулировокъ С. Л. Франка представляются правильными и весьма удачными прежде всего въ силу ихъ «конкретности». Мы читаемъ передъ собою цѣлую **систему категорій** русской мысли, взаимно-обусловленныхъ и связанныхъ между собою. Эти категоріи прослѣживаются въ ихъ видоизмѣненіяхъ; также и такіе представители «русскаго міровоззрѣнія», какъ радикальные политики, социальные реформаторы, «нигилисты» и скептики исходятъ, по мнѣнію

автора, отъ несознанныхъ ими предпосылокъ, общихъ съ предпосылками истинно - философской русской мысли (стр. 25 — 6, 27, 29).

Однако, сдѣлавъ несомнѣнный шагъ впередъ въ смыслѣ уточненія характеристики русскаго міровоззрѣнія, авторъ, по нашему мнѣнію, останавливается на полъ-пути въ обрисовкѣ полярныхъ противоположностей, разрывающихъ русское міровоззрѣніе. «Нигилизмъ» и радикализмъ, современный догматическій ленинизмъ и все русское просвѣщенство, съ преувеличеніями обрисованное **Шпетомъ** въ егъ «Очеркъ исторіи русской философіи» — вѣдь они **не менѣе** характерны для русскаго міровоззрѣнія, чѣмъ онтологизмъ, славянофильство и интуитивизмъ.

Думается, что дѣйствительное уясненіе этихъ, м. б. уродливыхъ и искаженныхъ формъ русскаго міровоззрѣнія возможно только при признаніи извѣстныхъ имманентныхъ внутреннихъ опасностей въ самой системѣ категорій русской мысли. С. Л. Франкъ склоненъ, какъ будто, видѣть источникъ искаженій и уродствъ въ одной только «религіозной неодаренности» или «меньшей религіозной одаренности» (27) отдѣльныхъ русскихъ людей. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. И въ «онтологизмѣ» и въ идеѣ «метафизики души» и въ идеѣ «соборности» и въ гедифференцированности сферы цѣнностей — заложены огромныя внутреннія опасности и этихъ опасностей нельзя прикрыть, демонстрируя только болѣе цѣнное, что дано до сихъ поръ русской мыслью.

Въ самомъ дѣлѣ Развѣ нѣтъ во всѣхъ отбѣнкахъ русскаго материализма своеобразнаго «онтологизма», правда болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго; покоящагося не на преодоленіи субъективизма, а на слѣпотѣ къ проблемамъ «трансцендентализма»? Да и всѣ иные виды русскаго онтологизма (за исключеніемъ нѣкоторыхъ формъ интуитивизма) развѣ они свободны отъ упрощенія проблемы и отъ извѣстнаго примитивизма? — Принципъ «соборности»? Но развѣ отъ него нѣтъ уклона къ той «стадности», которую нынѣ насаждаютъ въ Россіи правящая партія, а ранѣе культивировало и самодержавіе и различная политическія группировки? Ибо «стадность» есть вырожденіе «соборности», вырожденіе исколющееся на недооцѣнкѣ индивидуальности, на нечувствости къ цѣнности личности. — И наконецъ — небреженіе «средними» или «срединными» ступенями системы цѣнностей, быть можетъ, и является выраженіемъ особой религіозной одаренности русскаго духа, но одновременно — и наибольшаго изъ всѣхъ опасностей «русскаго міровоззрѣнія». Опасностью постольку, поскольку низкая оцѣнка среднихъ цѣнностей объясняется не сравненіемъ ихъ съ цѣнностями абсолютными, а нечувствостью, невосприимчивостью къ цѣностямъ вообще. При томъ весьма сомнительна самая возможность съ точки зрѣнія абсолютныхъ цѣнностей игнорировать среднія цѣнности, безъ которыхъ рушится вся система цѣнностей и хотя и не уничтожаются при этомъ «высшія» абсолютныя цѣнности, но становится невозможнымъ живое и непосредственное отношеніе къ нимъ чело-вѣка — А небреженіе средними цѣнностями характерно не только для русской религіозной мысли, но въ одинаковой мѣрѣ — и для арелигіозной и антирелигіозной. Вѣдь и русскій коммунизмъ, абсолютируя свои

цѣнности, игнорируетъ всѣ цѣнности второго порядка — человѣческую личность, свободу, этическія цѣнности. — Собственно всѣ категоріи русскаго міровоззрѣнія возможно, какъ изъ одного центра, развиты изъ небреженія средними цѣнностями. Конечно, онтологизмъ или «метафизика души» не неизбѣжно вырождается, не необходимо ведетъ къ забвенію о границахъ познанія, и пренебреженію конкретными психологическими проблемами (а вѣдь метафизика за предѣлами не только *psychologiae empiricae*, но и *psychologiae rationalis*)... Но можно утверждать, что система категорій русскаго мышленія предопредѣлена къ искаженіямъ и перверсіямъ, что сама структура ея таитъ въ себѣ нѣкую «трансцендентальную опасность» и, говоря о русскомъ міровоззрѣніи, надо поэтому рядомъ съ «онтологизмомъ» называть материализмъ, рядомъ съ соборностью — презрѣніе къ личности и ея правамъ, рядомъ съ религіознымъ абсолютизмомъ — атеистическое неистовство.

Да вѣдь такъ, пожалуй — и не только въ русской мысли Известное устремленіе къ полярностямъ, вѣроятно, свойственно всѣмъ національнымъ міровоззрѣніямъ. С. Л. Франкъ отмѣчаетъ существованіе двухъ обликовъ нѣмецкаго духа — мистическаго и «субъективистическаго» (41), но забываетъ, что и во Франціи рядомъ съ рационалистической мыслью стоитъ также религіозная мистика, что въ Англіи — рядомъ съ эмпиризмомъ — живегъ не менѣе «традиціонный» платонизирующий идеализмъ (линія, ведущая отъ средневѣковья, черезъ Кембриджскую школу и Беркли къ англійскому гегельянству и теизму XIX вѣка)» Русское мышленіе не является въ этомъ отношеніи исключеніемъ.

С. Л. Франкъ отмѣчаетъ, что и европейская мысль (Шелеръ, Н. Гартманнъ) какъ будто сворачиваетъ сейчасъ въ томъ направленіи, въ которомъ двигалась русская въ теченіе всего XIX вѣка. Да русская мысль, по мнѣнію С. Л. Франка, и не оторвана совершенно отъ европейской, не противостоитъ ей взятой цѣликомъ. Русская мысль движется въ томъ же направленіи, что и нѣмецкая мистика, спекулятивная метафизика нѣмецкаго идеализма, нѣмецкая романтика... (стр. 41, съ этимъ нѣсколько не вяжется та, въ цѣломъ отрицательная характеристика, что дана авторомъ нѣмецкой философіи выше — стр. 4, 11, 30, 33). Оба эти замѣчанія правильны, но оба же подтверждаютъ высказанныя нами выше мысли. Метаніе Шелера изъ стороны въ сторону, тѣ противорѣчія, къ которымъ приходитъ Н. Гартманнъ въ своей этикѣ (на эти противорѣчія указывалъ отчасти и самъ Франкъ въ своей рец. на «Этику» Гартманна въ «Пути») вскрываютъ опасности онтологизма — въ совсѣмъ иной плоскости, чѣмъ русская философія. А романтика (отчасти и нѣмецкая мистика) съ полною ясностью вскрываетъ и тѣ бездны, къ которымъ ведетъ разрушеніе среднихъ ступеней системы цѣнностей. Намъ думается, что если бы авторъ принялъ все это во вниманіе, то его прекрасная характеристика русскаго міровоззрѣнія не искажалась бы нѣсколько необоснованнымъ оптимизмомъ въ оцѣнкѣ Русская мысль — еще *im Werden* и ея будущее — подъ знакомъ трагическаго раздвоенія, заложеннаго въ самыхъ ея основахъ.

П. Прокофьевъ.